

Два года назад «Книжное обозрение» опубликовало фрагменты из книги «Страна меда — страна горечи» австрийской писательницы Марион Ершовой.

Судьба писательницы тесно связана с Россией. После окончания факультета славистики Венского университета Марион Бёме стажировалась в МГУ им. М.В. Ломоносова. Познакомилась здесь с молодым математиком и в 1966 году вышла за него замуж. Несколько лет семья жила в Москве, а потом переехала в Австрию.

Она — автор четырех книг и нескольких публицистических статей, в ее переводе на немецкий язык в Австрии издан солидный том произведений А.П. Чехова.

Представляя ее нашим читателям, мы

рассказали о том, что Марион познакомилась с поэзией Владимира Высоцкого.

Публикация в «Книжном обозрении» заинтересовала сотрудников Государственного культурного центра — музея В.С. Высоцкого, и по их просьбе Марион передала в музей поэтический сборник «Печаль показывает зубы», где напечатаны эти переводы.

Недавно по приглашению австрийской библиотеки и отдела культуры посольства Австрии в России Марион снова приехала в Москву. В это время и состоялась ее встреча с мамой поэта Ниной Максимовной и заместителем директора Музея Высоцкого Людмилой Владимировной Абрамовой.

Кн. обозрение. — 1994. — 12 июля. — С. 13.

И МЕД,

Марион Ершова: Я часто выступаю с литературными чтениями, читаю отрывки из моих произведений о России. И стихи Высоцкого всегда очень важны для меня, чтобы передать настроение людей, живших здесь в те годы, о которых я пишу. Название моего первого «московского» романа «Страна меда — страна горечи» навеяно его песнями. Это вольный перевод слов «солono да горько-кисло-сладкая», а стихотворение, как вы помните, звучит так:

Я стою, как перед вечною
загадкою,
Пред великою да сказочной
страной,
Перед солono да
горько-кисло-сладкою,
Голубою, родниковою,
ржаной.

Эта книга — воспоминание о семидесятих годах, когда я жила в Москве. И вот я вновь приезжаю сюда, брожу по своим старым маршрутам памяти. Ходынка, Беговая, подмосковные Раздоры — это места, где мы жили, где бывали с семьей, с друзьями. Те годы без Высоцкого не постижимы.

Людмила Абрамова: Вы взяли важные вещи для перевода. «Горное эхо», «Купола» и...

Марион Ершова: «Гамаян». Собственно говоря, я и перевела всего три. Но, наверное, на самом деле нужно говорить о большем, о том влиянии, которое он оказал на людей здесь. Это невольно отразилось в моей книге.

В ней ведь не идет речь непосредственно о Высоцком, но кое-где я непроизвольно вставляю цитаты из его песен, а вторая часть, где, собственно говоря, речь идет уже о новом времени, о перестройке, кончается сценой на Ваганьковском кладбище.

Н.М. Высоцкая: А вот когда вы жили в Москве, вы тоже знали его песни, бывали на его спектаклях?

Марион Ершова: В те годы его песни были повсюду: Это такой кумир был, все рассказывали о нем, старались познакомиться. Я не пыталась, потому что это было что-то фантастическое, недоступное.

Муж мой тоже очень любит его. Он плакал от некоторых вещей.

Людмила Абрамова: Да, это была эпоха, которая нигде не нашла такого воплощения, как в Володиных песнях. Он отразил

свое время так же, как Пушкин, — ненавязчиво, нетенденционно, а просто как оно есть — так оно и есть. Так же, как Пушкин, не был декабристом. Он был их другом, он бы за них умер, но декабристом он не был. И Володи

И ГОРЕЧЬ,

да не был.

Марион Ершова: И несмотря на все плохое, что он говорит, он большой патриот.

Людмила Абрамова: Потому что родина — это не политика, это не правительство, это страна, со всей ее историей, фольклором, литературой, со всеми ее пейзажами, красками...

Н.М. Высоцкая: Марион, а фольклорные образы Володи понятны вашим соотечественникам? Как в немецкоязычной аудитории воспринимается, например, образ сказочных птиц?

Марион Ершова: Конечно, эти образы там непонятны. Поэту я это сократила, дала коротко, только чтобы создать настроение. Фольклорные мотивы надо объяснять, их хорошо чувствуют и понимают, конечно, эмигранты, но на моих вечерах чаще всего именно западная публика, у которой всегда был, и теперь особенно, большой интерес к России в связи с перестройкой, с новыми событиями. И в своих литературных чтениях в Австрии, в Германии, в Польше, в Словакии я много рассказываю о нем, о Москве тех лет.

Кстати, есть ли у него предшественники или он первым начал работать в этом жанре?

Людмила Абрамова: Прежде всего Вертинский. Он внес в поэтическое исполнение разговорную, речевую интонацию. Володя обожал Вертинского, восхищался его песнями, ценил его необыкновенно высоко. Ну а если ближе, пел уже в это время Окуджава. Были еще другие исполнители, скажем, Юз Алешковский, но никто их имен не знал. Знали просто, что есть народная блатная песня «Товарищ Сталин, вы большой ученый...» То, что это Алешковский написал, мы узнали уже теперь. И Володя не знал. Галич начинает писать фактически одновременно с Володей. Это носилось в воздухе. Просто каждый из них брал какую-то свою сторону. Галич — это трагический политический фельетон. Окуджава — это интеллигент во дворе, кстати, большая редкость. Он очень оригинально выразил свою эпоху, у Юрия Кима своя тема, Высоцкий как-то это все объединил и сделал все, что де-

лали они...

Марион Ершова: Когда он начал писать, как это было?

Н.М. Высоцкая: Со школы, лет с шестнадцати. У него был школьный товарищ, который потом стал поэтом. И как-то вместе они начали писать. У меня есть совсем ранние его рифмованные строчки, детские еще.

Он очень тщательно правил рукописи, сотни вариантов, черновики рукописей со

И ЛЮБОВЬ...

стрелочками: дается куплет, а стрелочками показаны варианты. Это была огромная творческая работа, хотя внешне создается впечатление, что все легко получалось...

Марион Ершова: А вот эта слава, она ему не стала в тягость?

Людмила Абрамова: Я не могу сказать, что он был безумно скромный человек. Но у него было не тщеславие, а честолюбие. Он хотел быть только первым. Вот Нина Максимовна не даст соврать, как его уговаривали поступить в строительный институт. Родителям было просто боязно, актер — разве это профессия? Это ведь только кажется кому-то, что актеры богатые люди. И Семен Владимирович, и Нина Максимовна знали, что это горький хлеб. Да еще не получится ничего, да еще где-то будешь на выходах «кушать подано», да еще интриги. Отговаривали. А он говорил: я знаю, я буду великим актером.

Марион Ершова: А как вы думаете, он больше ценил свой актерский талант или поэтический? Я, к сожалению, не видела его в театре, но с игрой знакома по фильмам.

Н.М. Высоцкая: Сам он говорил, что если бы на одну чашу весов положить все, что он делает в кино, а на другую — песни, то эта чаша перетянула бы. И сейчас поэзия его живет, у него много почитателей. Недавно издана книга «Венок Высоцкому», она мне очень дорога. В ней собраны все стихи, слова, которые посвятили ему не профессиональные поэты и писатели, а читатели.

Вот такое продолжение получила моя публикация о Марион Ершовой в январе 1992 года. Хочу только добавить, что в следующий свой приезд Марион хотела бы выступить с чтениями в московском Музее Владимира Высоцкого.

Тамара ГОРДИЕНКО.